

DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-4-20-33
УДК 339.9(045)
JEL G15

Цепочки добавленной стоимости в Азиатско-Тихоокеанском регионе: государство и корпоративный сектор

В.С. Рутковская, С.Н. Сильвестров
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты анализа динамики, структуры и характера участия стран Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве в глобальных цепочках добавленной стоимости. В результате проведенного анализа выявлены тенденции, оформившиеся в международном производстве в XX в. Определено, что для развивающихся стран Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве характерна более высокая степень вовлеченности в международное разделение труда. Вместе с тем показано, что, несмотря на высокую степень вовлеченности развивающихся стран Соглашения в глобальные цепочки добавленной стоимости, они в большей степени выступают в качестве поставщиков ресурсов, а также «сборочных пунктов», при этом характер участия приводит к закреплению их технологического отставания. На основе анализа объема затрат стран – участниц партнерства на НИОКР определено, что в развитых странах постепенно происходит передача внутренних функций государства в части поддержки и развития науки в пользу корпоративного сектора. Сделан вывод о том, что подобная тенденция способствует монополизации корпоративным сектором сферы научно-технологических достижений и формирования олигополий из ограниченного числа корпораций – технологических гигантов.

Ключевые слова: цепочки добавленной стоимости; АТР; мегарегиональные торговые соглашения; Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве; корпоративный сектор; МНК; ТНК

Для цитирования: Рутковская В.С., Сильвестров С.Н. Цепочки добавленной стоимости в Азиатско-Тихоокеанском регионе: государство и корпоративный сектор. *Мир новой экономики*. 2022;16(4):20-33. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-4-20-33

ORIGINAL PAPER

Global Value Chains of Asia-Pacific Area: State and Corporate Sector

V.S. Rutkovskaya, S.N. Silvestrov
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper presents an analysis of the dynamics results, structure and nature of the participation of the countries of the Comprehensive and Progressive Agreement on the Trans-Pacific Partnership in global value chains. The analysis result revealed trends that took shape in international production in the 20th century. It has been determined a higher involvement in the international division of labor characterizes that the developing countries of the Comprehensive and Progressive Agreement on the Trans-Pacific Partnership. The study shows that, despite high involvement of the developing countries of the Agreement in global value chains, they act more than suppliers of resources, as well as assembly points, while participation leads to the consolidation of their technological backwardness. Based on the analysis of the countries cost taking part in the partnership for R&D, it was determined that in developed countries, the internal functions of the state are gradually being transferred in terms of supporting and developing science in favor of the corporate sector. The authors concluded this trend contributed to the monopolization of scientific and technological

© Рутковская В.С., Сильвестров С.Н., 2022

achievements sphere by the corporate sector and the formation of oligopolies from a limited number of technology giant corporations.

Keywords: value chains; APAC; mega-regional trade agreements; Comprehensive and progressive agreement on the Trans-Pacific Partnership; corporate sector; MNK; TNK

For citation: Rutkovskaya V.S., Silvestrov S.N. Global value chains of Asia-Pacific Area: State and corporate sector. *The World of the New Economy*. 2022;16(4):20-33. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-4-20-33

ВВЕДЕНИЕ

С развитием и углублением международного разделения труда феномен цепочек добавленной стоимости приобрел важное значение в мировой экономике. Участие в цепочках добавленной стоимости позволяет странам интегрироваться в мировую экономику в соответствии с возможностями национальной экономики (и, как следствие, — избежать существования в рамках периферийной автаркии), а также способствует — в той или иной мере — их социальному и экономическому развитию.

Проблематика изучения развития, функционирования и трансформации цепочек добавленной стоимости занимает значимое место в докладах международных организаций и исследовательских институтов, работах зарубежных исследователей и российских ученых.

Изучению цепочек добавленной стоимости посвящены работы А.В. Кузнецова [1], В.В. Перской [2], Н.А. Волгиной [3] и др. Среди иностранных исследователей следует выделить Г. Линдена, Дж. Дедрика, К. Крамера [4], Д. Сомерса, Р. Бельдербос [5], К. Кон, Ч. Цзян [6] и др.

Вместе с тем изучение характера взаимодействия государства и корпоративного сектора в условиях развития и распространения феномена глобальных цепочек добавленной стоимости, а также места корпоративного сектора в глобальных цепочках добавленной стоимости носит фрагментарный характер и не в полной мере находит отражение в научной литературе. Это обуславливает актуальность проводимого исследования.

Цель исследования: определить характер взаимодействия государства и корпоративного сектора в условиях развития и распространения феномена глобальных цепочек добавленной стоимости на примере Азиатско-Тихоокеанского региона.

Для достижения поставленной цели были определены и решены следующие задачи:

1. Проанализирована динамика, структура и характер участия стран Азиатско-Тихоокеан-

ского региона в глобальных цепочках добавленной стоимости на примере участников Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве.

2. Определено место корпоративного сектора в глобальных цепочках добавленной стоимости.

МЕТОДИКА ПРОВОДИМОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология проводимого исследования основывается на анализе следующих данных:

- Индекс участия стран в глобальных цепочках добавленной стоимости, база данных Всемирного банка — *World Integrated Trade Solution (WITS)*.
- Доля добавленной стоимости в структуре экспорта стран, база данных Всемирного банка — *World Integrated Trade Solution (WITS)*.
- Социально-экономические показатели стран, статистическая информация Всемирного банка и Международной организации труда.
- Доля добавленной стоимости стран в совокупном мировом объеме стоимости в средне- и высокотехнологичных отраслях экономики, статистическая информация *National Science Foundation (NSF)*.
- Затраты стран на НИОКР, статистическая информация Института статистики ЮНЕСКО.
- Рейтинг крупнейших нефинансовых корпораций мира по объему зарубежных активов, ежегодный доклад ЮНКТАД — *World Investment Report*.

СТРАНЫ – УЧАСТНИЦЫ ВСЕОБЪЕМЛЯЮЩЕГО И ПРОГРЕССИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ О ТРАНСТИХООКЕАНСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ В ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧКАХ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ: ДИНАМИКА И СТРУКТУРА

Как развитые, так и развивающиеся страны Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения

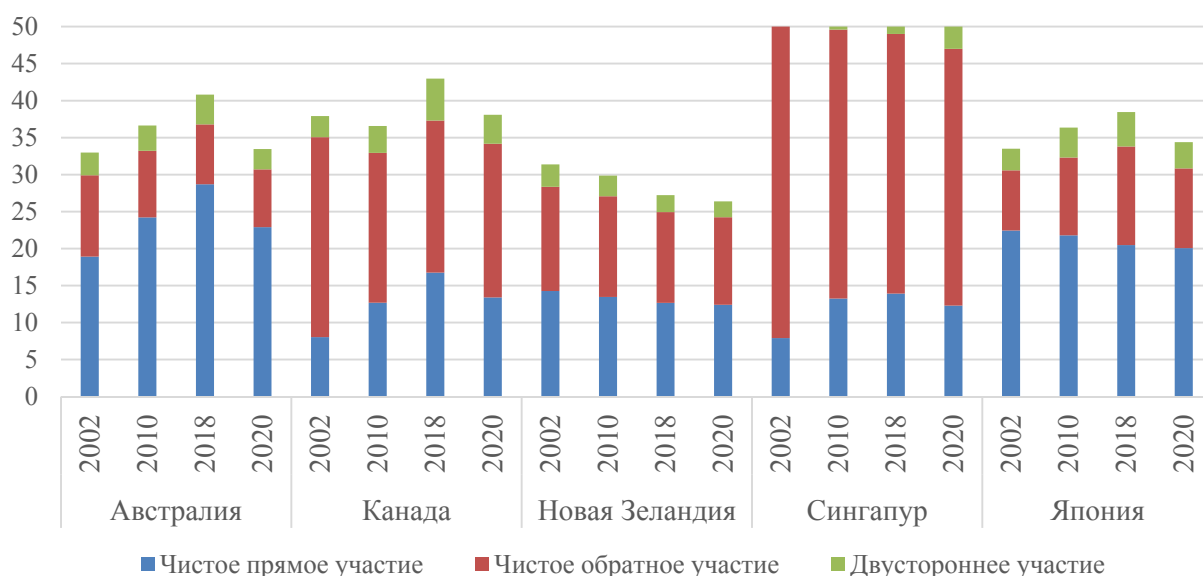

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика индекса участия развитых стран Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве в глобальных цепочках добавленной стоимости, %, 2002–2020 гг. / Index dynamics of developed countries' participation of the Comprehensive and Progressive Agreement on the Trans-Pacific Partnership in global value chains, %, 2002–2020

Источник / Source: составлено авторами на основе данных World Integrated Trade Solution (WITS). URL: <https://wits.worldbank.org/gvc/gvc-data-visualization.html> / compiled by the authors based on World Integrated Trade Solution (WITS) data. URL: <https://wits.worldbank.org/gvc/gvc-data-visualization.html>

о Транстихоокеанском партнерстве принимают активное участие в глобальных цепочках добавленной стоимости (далее — ГЦДС). Вместе с тем анализ динамики и структуры участия стран рассматриваемого партнерства позволил определить следующие тенденции:

1. В период с 2002 по 2020 г. отчетливо проявилась тенденция к переносу производственных мощностей с рынков развитых стран на рынки развивающихся.

Так, в 2002 г. значение индекса участия развитых стран партнерства в ГЦДС составляло в среднем 33% (рис. 1) и было сопоставимо со средним значением индекса участия развивающихся стран партнерства в ГЦДС — 35% (рис. 2).

К 2020 г. произошло смещение в пользу развивающихся стран партнерства (с учетом кризиса глобальной цепочки поставок 2021–2022 гг., первые симптомы которого наблюдались уже в 2020 г.). Спустя два десятилетия значение индекса участия развитых стран партнерства в ГЦДС составляло уже в среднем 31% (рис. 1), в то время как среднее значение индекса участия развивающихся стран партнерства в ГЦДС — 44% (рис. 2). Объем мирового ВВП в рассматриваемый период

увеличился с 34,9 трлн долл. США в 2002 г. до 84,9 трлн долл. США к 2020 г.¹

2. В период с 2002 по 2020 г. отчетливо проявилась тенденция к изменению характера участия развивающихся стран в ГЦДС.

Так, для развивающихся стран партнерства к 2020 г. характерной особенностью стало увеличение доли чистого обратного участия в ГЦДС (рис. 2). Иными словами — для рассматриваемых развивающихся стран оформилась тенденция к большей вовлеченности в производственный процесс на конечных этапах производства с дальнейшим экспортом производимой продукции на рынки конечного потребления.

Данная тенденция может быть обусловлена качественной трансформацией цепочек добавленной стоимости вследствие технологического прогресса и цифровой трансформации мировой экономики [7]. Одним из результатов трансформации производственного процесса в рамках ГЦДС в целом, а также повышения технологической сложности конечной продукции в частности, является стрем-

¹ Сайт Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org/> (дата обращения: 15.09.2022).

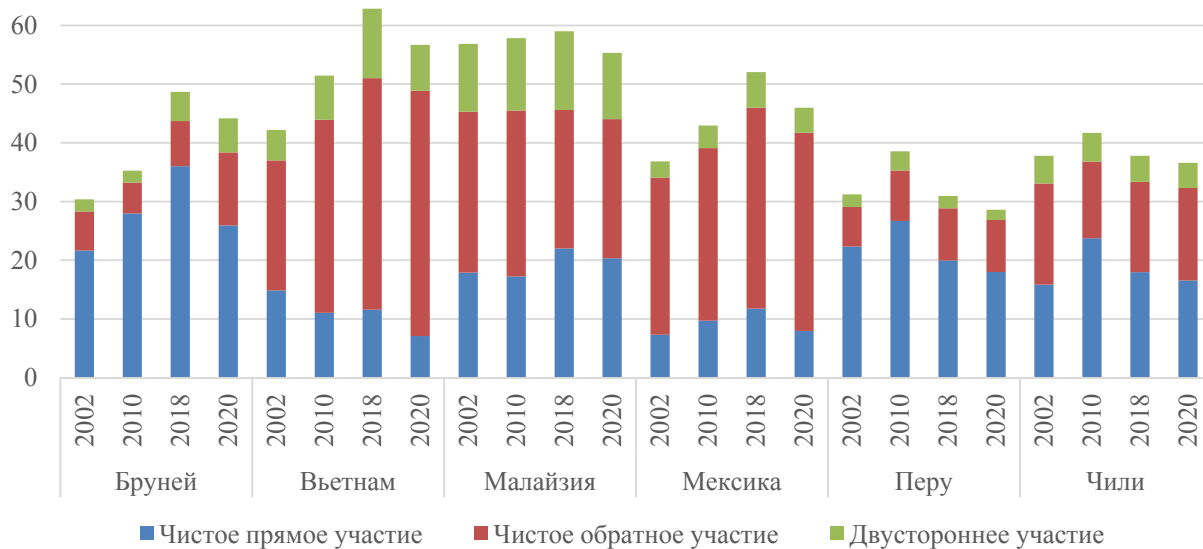

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика индекса участия развивающихся стран Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве в глобальных цепочках добавленной стоимости, %, 2002–2020 гг. / Index dynamics of developed countries' participation of the Comprehensive and Progressive Agreement on the Trans-Pacific Partnership in global value chains, %, 2002–2020

Источник / Source: составлено авторами на основе данных World Integrated Trade Solution (WITS). URL: <https://wits.worldbank.org/gvc/gvc-data-visualization.html> / compiled by the authors based on World Integrated Trade Solution (WITS) data. URL: <https://wits.worldbank.org/gvc/gvc-data-visualization.html>

ление корпоративного сектора адаптировать технологии, процессы производства и продукцию соответственно требованиям, предъявляемым целевым потребителем, вследствие чего корпоративный сектор стремится локализовать различные этапы производственного процесса в рамках всей длины цепочки (в том числе и отдельные этапы НИОКР [5]) в непосредственной территориальной близости к целевому рынку.

Таким образом, анализ динамики и структуры участия стран рассматриваемого партнерства в ГЦДС позволил определить, что для развивающихся стран Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве характерна более высокая степень вовлеченности в международное разделение труда.

Анализ показателей доли добавленной стоимости в структуре экспорта стран Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве позволил определить, что в развивающихся странах добавленная стоимость преимущественно создается в добывающих (Бруней, Перу, Чили) и обрабатывающих (Вьетнам, Малайзия, Мексика, Перу, Чили) отраслях промышленности (табл. 1).

В свою очередь, в развитых странах добавленная стоимость преимущественно создается в секторах

промышленного производства и услуг (табл. 2). Исключением являются Австралия и Канада, для которых добывающая отрасль промышленности вносит существенный вклад в добавленную стоимость, что обуславливается спецификой их экономик.

Таким образом, можно предположить, что, несмотря на высокую степень вовлеченности развивающихся стран — участниц Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве в ГЦДС, они в большей степени выступают в качестве поставщиков ресурсов, в том числе сравнительно менее квалифицированной и более дешевой рабочей силы (табл. 3), а также «сборочных пунктов», причем как для корпоративного сектора развитых стран, так и для КНР.

Данное предположение подтверждается, в том числе, выводами, сделанными в результате проведенного анализа показателей доли добавленной стоимости рассматриваемых стран в совокупном мировом объеме стоимости в средне- и высокотехнологичных отраслях экономики².

² Согласно классификации ОЭСР к среднетехнологичным отраслям относятся: автомобилестроение; ИТ услуги; оборонно-промышленный комплекс; производство железнодорожного и другого транспорта; производство машин и машинного оборудования; производство медицинского оборудования;

Таблица 1 / Table 1

**Доля добавленной стоимости в структуре экспорта развивающихся стран – участники
Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, %, 2020 г. /
Share of global value chains in the exports structure of developing countries participating in
the Comprehensive and Progressive Agreement on the Trans-Pacific Partnership, %, 2020**

Формат участия в ГЦДС	Добыча полезных ископаемых	Промышленное производство	Услуги	Сельское, лесное хозяйство, рыболовство	Энергетика
Бруней					
Чистое прямое участие	86,96	9,43	3,18	0	0,32
Чистое обратное участие	75,19	11,49	11,86	0,03	0,47
Двустороннее участие	78,65	9,36	10,6	0	0,82
Вьетнам					
Чистое прямое участие	0	79,27	12,63	7,6	0,02
Чистое обратное участие	0	90,02	5,23	4,12	0
Двустороннее участие	0	90,65	4,76	4,25	0
Малайзия					
Чистое прямое участие	12,01	74,31	12,23	1,15	0,18
Чистое обратное участие	1,48	91,81	5,65	0,66	0,16
Двустороннее участие	1,7	93,28	4,52	0,32	0,1
Мексика					
Чистое прямое участие	22,54	66,27	8,44	2,6	0
Чистое обратное участие	1,12	95,85	0,86	2,16	0
Двустороннее участие	4,12	93,44	1,63	0,77	0
Перу					
Чистое прямое участие	37,92	40,44	12,65	8,87	0,01
Чистое обратное участие	15,81	65,08	14,08	4,03	0
Двустороннее участие	29,49	56,69	9,4	3,82	0
Чили					
Чистое прямое участие	23,4	47,2	20,51	8,69	0,08
Чистое обратное участие	6,56	64,75	19,2	9,13	0,09
Двустороннее участие	22,55	58,41	13,92	4,99	0,06

Источник / Source: составлено авторами на основе данных World Integrated Trade Solution (WITS). URL: <https://wits.worldbank.org/gvc/gvc-data-visualization.html> / compiled by the authors based on World Integrated Trade Solution (WITS) data. URL: <https://wits.worldbank.org/gvc/gvc-data-visualization.html>

Так, за период с 2002 по 2018 г. на долю развивающихся стран партнерства в совокупном объеме стоимости, добавленной в среднетехнологичных отраслях

производство электрического оборудования; химическая промышленность. К высокотехнологичным отраслям относятся: аэрокосмическая промышленность; научные исследования и разработки; ПО; производство вычислительных, электронных и оптических приборов; производство фармацевтической продукции (прим. авт.).

экономики, в среднем приходилось не более 0,5% в секторе информационно-телекоммуникационных услуг (против 17% для развитых стран), 3% в области химической промышленности (против 11,5% для развитых стран), 1% в области производства машин и машинного оборудования (против 20% для развитых стран), 3,5% в области автомобилестроения (против 20% для развитых стран), 7% в оборонно-промышленном комплексе (против 12% для развитых стран) (рис. 3).

Таблица 2 / Table 2

Доля добавленной стоимости в структуре экспорта развитых стран участниц Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, %, 2020 г. / Share of global value chains in the exports structure of developing countries participating in the Comprehensive and Progressive Agreement on the Trans-Pacific Partnership, %, 2020

Формат участия в ГЦДС	Добыча полезных ископаемых	Промышленное производство	Услуги	Сельское, лесное хозяйство, рыболовство	Энергетика
Австралия					
Чистое прямое участие	62,39	17,9	14,13	5,4	0,13
Чистое обратное участие	39,75	42,45	10,97	6,63	0,04
Двустороннее участие	44,98	41,12	8,74	5,02	0,08
Канада					
Чистое прямое участие	34,22	39,46	17,92	7,82	0,45
Чистое обратное участие	9,28	78,33	7,31	4,63	0,22
Двустороннее участие	18,49	67,92	7,16	6,19	0,12
Новая Зеландия					
Чистое прямое участие	1,07	63,84	24,47	9,95	0,3
Чистое обратное участие	0,27	59,7	20,32	6,54	0,11
Двустороннее участие	0,4	67,69	15,4	6,43	0,08
Сингапур					
Чистое прямое участие	0	52,69	47,11	0,02	0,01
Чистое обратное участие	0	56,35	43,38	0,01	0,01
Двустороннее участие	0	58,22	41,67	0,01	0,01
Япония					
Чистое прямое участие	0,1	77,04	22,46	0,22	0
Чистое обратное участие	0,12	90,4	8,78	0,25	0,05
Двустороннее участие	0,24	91,12	8,31	0,16	0

Источник / Source: составлено авторами на основе данных World Integrated Trade Solution (WITS). URL: <https://wits.worldbank.org/gvc/gvc-data-visualization.html> / compiled by the authors based on World Integrated Trade Solution (WITS) data. URL: <https://wits.worldbank.org/gvc/gvc-data-visualization.html>

Таблица 3 / Table 3

Социально-экономические показатели стран – участниц Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, 2020 г. / Socio-economic indicators of countries participating in the Comprehensive and Progressive Agreement on the Trans-Pacific Partnership, 2020

Страна	Место в рейтинге стран по Индексу человеческого развития	Показатель Индекса человеческого развития	Минимальная ежемесячная заработная плата, долл. США	Средняя ежемесячная заработная плата, долл. США
Развитые страны				
Австралия	16	0,77	2246,2	3874,3
Канада	5	0,80	1550,9	3504,4
Н. Зеландия	13	0,78	1716,7	3373,1
Сингапур	1	0,88	н/д	3286,1
Япония	3	0,80	1349,8	2881,8
Развивающиеся страны				
Бруней*	56	0,63	н/д	1651,3
Вьетнам	38	0,69	190,4	296,6
Малайзия	62	0,61	265,5	697,8
Мексика	61	0,63	н/д	328,3
Перу	65	0,61	278,7	720,8
Чили	47	0,65	н/д	1151,5

* Примечание / Note: для Брунея приведена наиболее актуальная имеющаяся в открытом доступе информация на 2014 г. / For Brunei the most actual publicly available data is in 2014.

Источник / Source: составлено авторами по данным Всемирного банка. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34432/9781464815522.pdf?sequence=4&isAllowed=y>; Международной организации труда. URL: <https://ilostat.ilo.org/data/> / compiled by the authors according to the World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34432/9781464815522.pdf?sequence=4&isAllowed=y>; International Labor Organization. URL: <https://ilostat.ilo.org/data/>

В свою очередь, в отношении стоимости, добавленной в высокотехнологичных отраслях экономики за период с 2002 по 2018 г., на долю развивающихся стран партнерства в совокупном объеме добавленной стоимости в среднем приходилось не более 0,5% в области аэрокосмической промышленности (против 9% для развитых стран), 1% в области производства фармацевтической продукции (против 13% для развитых стран), 4% в области производства вычислительных, электронных и оптических приборов (против 20% для развитых стран), 2% в области НИОКР (против 10% для развитых стран), 0,7% в части программного обеспечения (против 9% для развитых стран) (рис. 4).

Указанные данные позволяют предположить, что большая часть добавленной стоимости рассматриваемых развивающихся стран формируется в низкотехнологичных отраслях экономики. При этом формирование национальных экономик развивающихся

стран партнерства осуществляется в рамках экстенсивной модели: за счет эксплуатации природных и человеческих ресурсов. Таким образом, несмотря на высокую степень вовлеченности развивающихся стран в международное производство в рамках ГЦДС, качество подобного участия приводит к закреплению их технологического отставания.

КОРПОРАТИВНЫЙ СЕКТОР В ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧКАХ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ

На сегодняшний день, согласно докладу ЮНКТАД³, более 60% мировой торговли приходится на добавленную стоимость. В связи с этим

³ World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2013_en.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

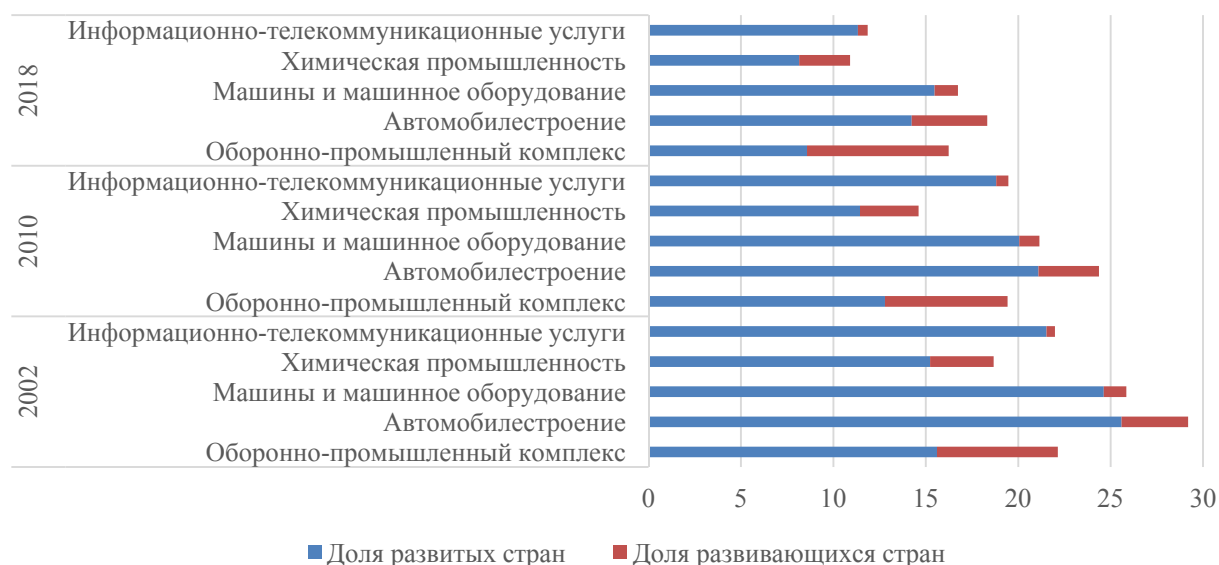

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика доли добавленной стоимости стран – участниц Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве в совокупном мировом объеме стоимости в среднетехнологичных отраслях экономики, %, 2002–2018 гг.* / Dynamics of the value added share of the countries participating in the Comprehensive and Progressive Agreement on the Trans-Pacific Partnership in the total world volume of value in medium-tech sectors of the economy, %, 2002–2018*

* *Примечание / Note:* приведена наиболее актуальная имеющаяся в открытом доступе информация / the most actual publicly available data.

Источник / Source: составлено авторами на основе данных National Science Foundation (NSF). URL: <https://nces.nsf.gov/pubs/nsb20205/data#table-block> / compiled by the authors based on data from the National Science Foundation (NSF). URL: <https://nces.nsf.gov/pubs/nsb20205/data#table-block>

участие стран в цепочках добавленной стоимости (независимо от характера данного участия) позволяет им избежать существования в рамках периферийной автаркии и способствует социально-экономическому развитию — в той или иной степени.

Однако наравне с преимуществами для государств, углубление и развитие международного разделения труда включает в себе существенные недостатки. В контексте ГЦДС значительная доля ВВП стран формируется за счет доходов корпоративного сектора (в большей степени — крупнейших его представителей, многонациональных корпораций) и, следовательно, не распределяется в пользу развития экономик государств [1]. При этом необходимо отметить, что данная тенденция справедлива для всех акторов каждого звена цепочки добавленной стоимости: как для развивающихся стран, выступающих поставщиками дешевых природных и человеческих ресурсов, так и для развитых стран, открывающих, в том числе, доступ к высококвалифицированным специали-

стам и сформированной научно-исследовательской и технологической инфраструктуре [8].

Данная тенденция сформировалась под влиянием множества факторов, одним из которых является объем затрат государств на НИОКР (рис. 5) и участие корпоративного сектора в затратах государства на НИОКР.

По состоянию на 2019 г., доля затрат корпоративного сектора в совокупном объеме затрат государства на НИОКР для развитых стран Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве в среднем составляла 59%, для развивающихся стран данные показатели в среднем были порядка 23%⁴. Таким образом, в развитых странах постепенно происходит передача внутренних функций государства в части поддержки и развития науки в пользу корпоративного сектора. Подобная тенденция способствует

⁴ Сайт Института статистики ЮНЕСКО. URL: <http://uis.unesco.org/apps/visualisations/research-and-development-spending/> (дата обращения: 03.04.2022).

Рис. 4 / Fig. 4. Динамика доли добавленной стоимости стран – участниц Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве в совокупном мировом объеме стоимости в высокотехнологичных отраслях экономики, %, 2002–2018 гг.* / Dynamics of value added share of the countries participating in the Comprehensive and Progressive Agreement on the Trans-Pacific Partnership in the total world volume of value in high-tech sectors of the economy, %, 2002–2018*

* Примечание / Note: приведена наиболее актуальная имеющаяся в открытом доступе информация / the most actual publicly available data.

Источник / Source: составлено авторами на основе данных National Science Foundation (NSF). URL: <https://nces.nsf.gov/pubs/nsb20205/data#table-block> / compiled by the authors based on data from the National Science Foundation (NSF). URL: <https://nces.nsf.gov/pubs/nsb20205/data#table-block>

Рис. 5 / Fig. 5. Затраты на НИОКР и количество исследователей на 1 млн населения действительных и потенциальных участников Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, 2019 г. / R&D spending and number of researchers per 1 mln population of current and potential participants in the Comprehensive and Progressive Agreement on the Trans-Pacific Partnership, 2019

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Института статистики ЮНЕСКО. URL: <http://data.uis.unesco.org/> / compiled by the authors based on data from the UNESCO Institute for Statistics. URL: <http://data.uis.unesco.org/>

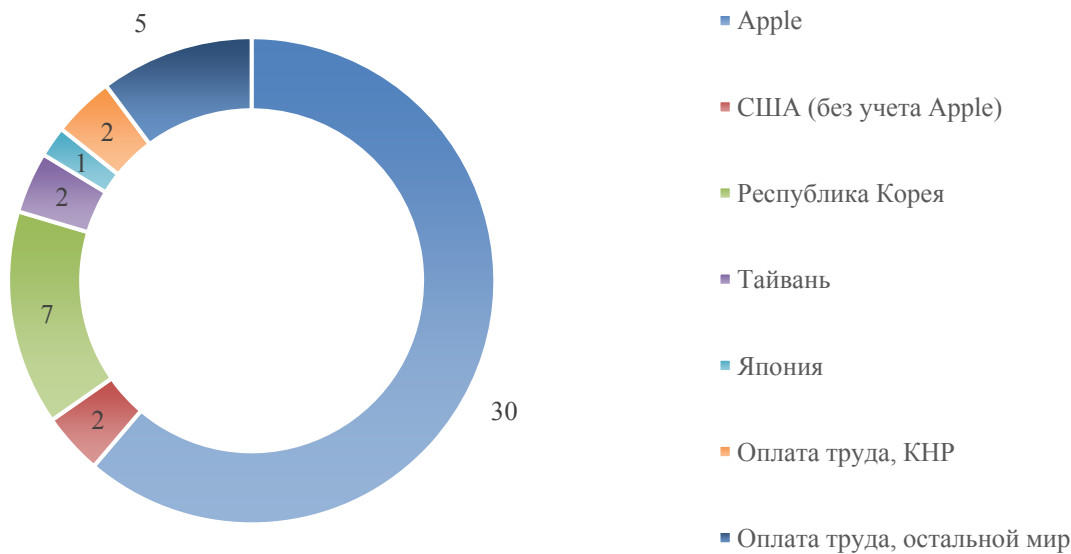

Рис. 6 / Fig. 6. Распределение прибыли, полученной вследствие реализации *iPad*, между участниками производственного процесса, % / Profit spreading received as a result of the sale of the *iPad* between the participants in the production process, %

Источник / Source: составлено авторами на основе данных URL: https://webzoom.freewebs.com/phsworldhistory/AP%20WH%20Unit%20V/Value_iPad_iPhone.pdf / compiled by authors based on URL data: https://webzoom.freewebs.com/phsworldhistory/AP%20WH%20Unit%20V/Value_iPad_iPhone.pdf

монополизации корпоративным сектором сферы научно-технологических достижений и формирования олигополий из ограниченного числа корпораций — технологических гигантов. Вследствие практически исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности (результаты исследований и разработок) корпоративный сектор выступает ключевым бенефициаром технологической ренты.

Так, в 2011 г. группой ученых из США было проведено исследование, посвященное анализу распределения прибыли, полученной вследствие реализации продукции, между участниками производственного процесса [4]. Они провели анализ продуктов компании *Apple*: *iPad*, модель с модулем *Wi-Fi* и памятью на 16 Гб, минимальная розничная цена на момент исследования — 499 долл. США; *iPhone 4*, минимальная розничная цена на момент исследования — 549 долл. США. Конечная сборка рассматриваемых продуктов осуществлялась в КНР. Согласно результатам исследования доля компании *Apple* составила 30% совокупной прибыли, полученной вследствие реализации *iPad* (рис. 6), и 59% совокупной прибыли, полученной вследствие реализации *iPhone 4* (рис. 7).

Таким образом, в современных условиях владение технологиями и исключительными знаниями определяет место в иерархии мировой экономики. Многонациональные корпорации (МНК), обладающие ключевыми технологиями, а также возможностями к постоянной актуализации технологий и генерации нового знания, выступают ключевыми бенефициарами в контексте ГЦДС (рис. 8).

Потенциал участия в международном производстве на средне- и высокотехнологичной основе способствует росту конкуренции со стороны ряда развивающихся стран⁵, правительства которых разрабатывают стратегии и проводят реформы национальных экономик в целях трансформации производства и развития высокотехнологичных отраслей экономики, а также — корпоративного сектора развивающихся стран. В частности, для корпоративного сектора КНР в последние годы оформилась тенденция к увеличению затрат на НИОКР [6], что нашло отражение в динамике показателей стоимости, добавленной КНР в средне- и высокотехнологичных отраслях экономики (рис. 9).

⁵ Преимущественно из Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности КНР и Индии.

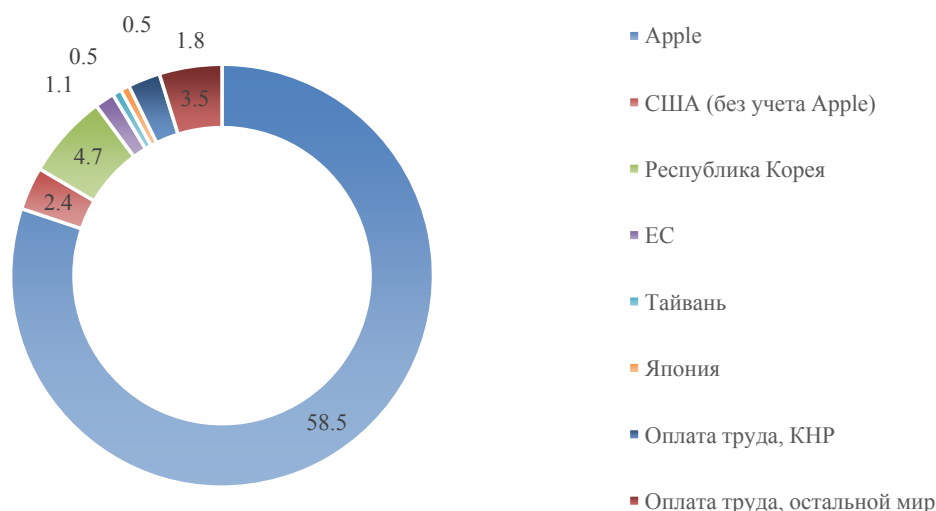

Рис. 7 / Fig. 7. Распределение прибыли, полученной вследствие реализации iPhone 4, между участниками производственного процесса, % / Profit spreading received as a result of the sale of the iPhone 4 between the participants in the production process, %

Источник / Source: составлено авторами на основе данных URL: https://webzoom.freewebs.com/phsworldhistory/AP%20WH%20Unit%20V/Value_iPad_iPhone.pdf / compiled by authors based on URL data: https://webzoom.freewebs.com/phsworldhistory/AP%20WH%20Unit%20V/Value_iPad_iPhone.pdf

Кроме того, корпоративный сектор КНР стремительно укрепляет свои позиции на мировой арене, составляя конкуренцию признанным лидерам — МНК развитых стран. Согласно данным, публикуемым ЮНКТАД на ежегодной основе в рамках доклада *World Investment Report*, в 2016 г. в список 100 крупнейших нефинансовых корпораций мира по объему зарубежных активов входили 4 корпорации из КНР: на 19-м месте — *CK Hutchison Holdings Ltd* (розничная торговля), на 40-м месте — *Hon Hai Precision Industries* (электроника), на 44-м месте — *China National Offshore Oil Corp* (нефтяная промышленность), на 81-м месте — *China COSCO Shipping Corp Ltd* (транспортные услуги)⁶. Доминирующие позиции занимали США (22 МНК), Великобритания (16 МНК) и Япония (11 МНК).

К 2021 г. представители китайского корпоративного сектора существенно потеснили признанных лидеров: в списке 100 крупнейших нефинансовых корпораций мира по объему зарубежных активов было представлено уже 12 китайских МНК из различных отраслей экономики, включая высокотехнологические (табл. 4). МНК из США заняли 20 строк рейтинга, из Великобритании — 11, из Японии — 9.

⁶ Сайт [Topforeignstocks.com](https://topforeignstocks.com). URL: <https://topforeignstocks.com/2017/06/12/the-worlds-top-100-non-financial-mnes-by-foreign-assets-2016/> (дата обращения: 27.09.2022).

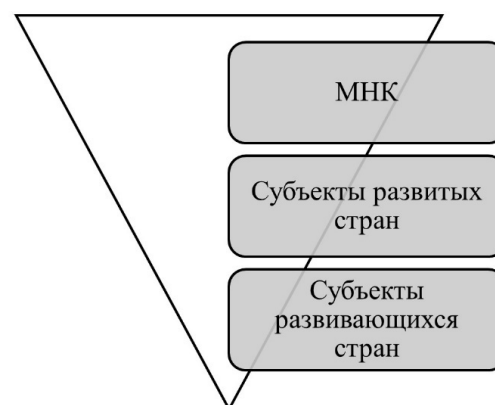

Рис. 8 / Fig. 8. Схематичное изображение распределения доходов между участниками производственного процесса в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости / Schematic representation of the income spreading between participants in the production process within global value chains

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Подобная активность со стороны развивающихся стран, в частности — КНР, ставит корпоративный сектор развитых стран перед необходимостью подавления растущей конкуренции и повышения барьеров входа на рынок для корпоративного сектора развивающихся стран. Одним из

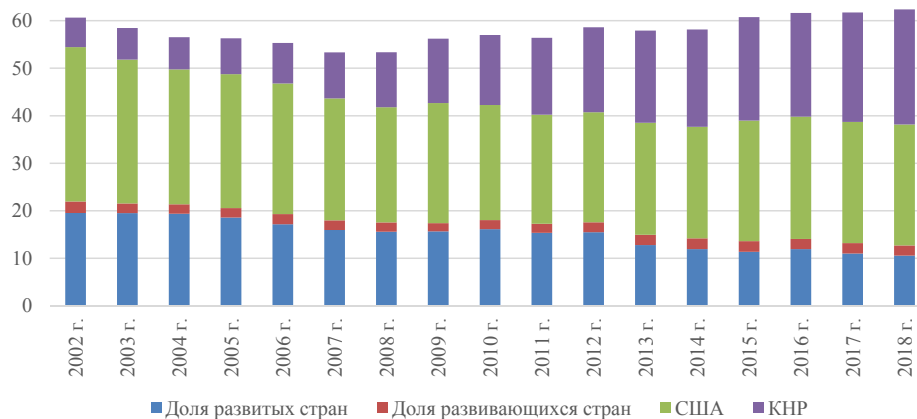

Рис. 9 / Fig. 9. Доля добавленной стоимости стран — участниц Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, США и КНР в совокупном мировом объеме добавленной стоимости в средне- и высокотехнологичных отраслях экономики, %, 2002–2018 гг.* / The value added share of the countries participating in the Comprehensive and Progressive Agreement on the Trans-Pacific Partnership, the USA and China in the total world volume of value added in medium and high-tech sectors of the economy, %, 2002–2018*

* *Примечание / Note:* приведена наиболее актуальная имеющаяся в открытом доступе информация / the most actual publicly available data.

Источник / Source: составлено авторами на основе данных *National Science Foundation (NSF)*. URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20205/data#table-block> / compiled by the authors based on data from the *National Science Foundation (NSF)*. URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20205/data#table-block>

инструментов обеспечения конкурентоспособности развитых стран и их корпоративного сектора стало реализованное в Азиатско-Тихоокеанском регионе Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, которое установило новые стандарты мировой торговли и международных экономических отношений.

ВЫВОДЫ

На сегодняшний день, в условиях развития и распространения феномена ГЦДС, необходимость для стран участия в них не вызывает сомнений, так как это способствует социальному и экономическому развитию государств, а также позволяет избежать существования в рамках периферийной автаркии.

Вместе с тем доминирующие позиции в иерархии мировой экономики в контексте данного феномена занимают МНК развитых стран и не-

посредственно — сами развитые страны. Подобная картина сформировалась под влиянием множества факторов, где одним из ключевых является развитая научно-технологическая инфраструктура и технологический диктат МНК развитых стран.

Однако, как показывает опыт КНР, грамотно выстроенное взаимодействие государства и корпоративного сектора [9], трансформация производства (как развитие высокотехнологичных отраслей экономики, так и поддержка национальных высокотехнологичных компаний) могут способствовать интеграции страны в более высокие звенья цепочек добавленной стоимости. При этом необходимо принимать во внимание, что потенциал встраивания страны в цепочки добавленной стоимости будет также зависеть от степени ее вовлеченности в интеграционные процессы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the government research assignment to the Financial University.

Таблица 4 / Table 4

Корпоративный сектор КНР в рейтинге 100 крупнейших нефинансовых МНК мира по объему зарубежных активов, 2021 г. / China's corporate sector in the ranking of the 100 largest non-financial MNCs in the world in terms of foreign assets, 2021

Место в рейтинге	Наименование	Отрасль	Территориальная принадлежность
14	CK Hutchison Holdings Ltd	Розничная торговля	Гонконг, САР КНР
18	China National Petroleum Corp (CNPC)	Нефтяная промышленность	КНР
24	Hon Hai Precision Industries	Электроника	Тайвань, САР КНР
30	Tencent Holdings Ltd	ИТ	КНР
45	Sinopec – China Petrochemical Corp	Нефтяная промышленность	КНР
47	China COSCO Shipping Corp Ltd	Транспортные услуги	КНР
54	China National Offshore Oil Corp (CNOOC)	Нефтяная промышленность	КНР
55	Huawei Investment & Holding Co Ltd	Телекоммуникационное оборудование	КНР
76	Sinochem Group	Химическая, нефтехимическая, агрохимическая промышленность	КНР
83	China National Chemical Corp (ChemChina)	Химическая промышленность	КНР
88	Legend Holdings Corp	Инвестиционные услуги	КНР
100	State Grid Corp of China	Электроэнергетика	КНР

Источник / Source: составлено авторами по данным ЮНКТАД. URL: <https://worldinvestmentreport.unctad.org/annex-tables/> / compiled by the authors according to UNCTAD. URL: <https://worldinvestmentreport.unctad.org/annex-tables/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Кузнецов А.В. Прямые иностранные инвестиции стран Восточной Азии: Китай, Япония, Республика Корея, Монголия: монография. М.: РУСАЙНС; 2020. 210 с.
- Перская В.В. Глобальные цепочки стоимости как трансформационный индикатор изменений в мировой экономике. *Вопросы региональной экономики*. 2021;1(46):223–233.
- Волгина Н.А. Изучение глобальных цепочек стоимости: роль международных организаций. *Вестник международных организаций*. 2020;15(2):255–282. DOI: 10.17323/1996–7845–2020–02–12
- Dedrick J. Capturing Value in Global Networks: Apple's iPad and iPhone. URL: https://webzoom.freewebs.com/phsworldhistory/AP%20WH%20Unit%20V/Value_iPad_iPhone.pdf (дата обращения: 26.05.2022).
- Belderbos R. et al. Where to Locate Innovative Activities in Global Value Chains. *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*. 2016;(30):2–67. DOI: 10.1787/5jlv8zmp86jg-en
- Jiang Z. Whether Developing Country Can Achieve Remarkable Progress in the Global Market by High-Tech – Huawei Company as an Example. *Technology and Investment*. 2019;(10):47–58. DOI: 10.4236/ti.2019.103003
- Рутковская В.С. Цифровая трансформация мировой экономики: регулирование электронной коммерции в рамках Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве. URL: <https://1economic.ru/lib/116334>. DOI: 10.18334/vinec.12.4.116334
- Карпова Е.А. Стартап-экосистемы: опыт Израиля. *Международная торговля и торговая политика*. 2021;3(27):43–49. DOI: 10.21686/2410–7395–2021–3–43–49
- Рутковская В.С. Роль корпоративного сектора в трансформации системы международных торгово-экономических отношений. *Российский экономический журнал*. 2022;(2):70–84. DOI: 10.33983/0130–9757–2022–2–70–84

REFERENCES

1. Kuznetsov A.V. Foreign direct investment of East Asian countries: China, Japan, Republic of Korea, Mongolia: monograph. Moscow: RUSAINS; 2020. 210 p. (In Russ.).
2. Perskaya V.V. Global value chains as a transformational indicator of changes in the world economy. *Voprosy regional'noj ekonomiki = Regional economic issues*. 2021;1(46):223–233. (In Russ.).
3. Volgina N.A. Studying global value chains: the role of international organizations. *Vestnik mezhdunarodnykh organizacij = Bulletin of International Organizations*. 2020;15(2):255–282. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996–7845–2020–02–12
4. Dedrick J. Capturing Value in Global Networks: Apple's iPad and iPhone. URL: https://webzoom.freewebs.com/phsworldhistory/AP%20WH%20Unit%20V/Value_iPad_iPhone.pdf (accessed on 05.26.2022).
5. Belderbos R. et al. Where to Locate Innovative Activities in Global Value Chains. *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*. 2016;(30):2–67. DOI: 10.1787/5jlv8zmp86jg-en
6. Jiang Z. Whether Developing Country Can Achieve Remarkable Progress in the Global Market by High-Tech — Huawei Company as an Example. *Technology and Investment*. 2019;(10):47–58. DOI: 10.4236/ti.2019.103003
7. Rutkovskaya V.S. Digital transformation of the world economy: regulation of e-commerce within the framework of a Comprehensive and Progressive Agreement on the Trans-Pacific Partnership. URL: <https://1economic.ru/lib/116334> (In Russ.). DOI: 10.18334/vinec.12.4.116334
8. Karpova E.A. Startup ecosystems: the experience of Israel. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika = International trade and trade policy*. 2021;3(27):43–49. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410–7395–2021–3–43–49
9. Rutkovskaya V.S. The role of the corporate sector in the transformation of the system of international trade and economic relations. *Rossiiskij ekonomicheskij zhurnal = Russian Economic Journal*. 2022;(2):70–84. (In Russ.). DOI: 10.33983/0130–9757–2022–2–70–84

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Виктория Станиславовна Рутковская — стажер-исследователь, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности; аспирант департамента мировой экономики и международного бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
Viktoria S. Rutkovskaya — Trainee Researcher, Institute for Economic Policy and Economic Security Problems; Postgraduate student of the Department of World Economy and International Business, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7384-5918>
 Автор для корреспонденции / Corresponding author
rutkovskaya.victoria@gmail.com

Сергей Николаевич Сильвестров — доктор экономических наук, профессор департамента мировой экономики и международных финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
Sergey N. Silvestrov — Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of World Economy and International Finance, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7678-1283>
SSilvestrov@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
 Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.10.2022; после рецензирования 10.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.
 Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
 The article was received on 20.10.2022; revised on 10.11.2022 and accepted for publication on 30.11.2022.
 The authors read and approved the final version of the manuscript.